

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 СЕНТЯБРЯ

№ 18.

1868 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовиой Семинари и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

О назначеніи пенсій духовнымъ лицамъ по Тамбовской епархіи.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 31 Іюля сего года, по Тамбовской епархіи, назначены пенсіи: 1) Шацкаго уѣзда села Оедяева заштатному священнику Павлу Трескину; въ размѣръ 90 руб.; съ 10 Апрѣля 1868 года; изъ Липецкаго уѣзднаго казначейства. 2) Николаевской г. Моршанскѣ церкви умершаго священника Николая Пономарева вдовѣ Надеждѣ Пономаревой, съ дочерью Серафимою 13 лѣтъ; въ размѣръ 65 рублей впредь до совершеннолѣтія дочери или выхода ея въ замужество, а затѣмъ 55 р.; съ 3 Декабря 1867 года; изъ Моршанскаго уѣзда казначейства. 3) Шацкаго уѣзда села Сыровели умершаго священника Стефана Рождественскаго вдовѣ Александрѣ Рождественской; въ размѣръ 55 рублей, съ 27 Декабря 1867 года, изъ Шацкаго уѣзднаго казначейства.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) Обь опредѣленіи и перемѣщеніи на священно-служительскія мѣста.

Студентъ семинаріи Николай *Тимовцевъ* опредѣленъ во священника къ соборной г. Борисоглѣбска церкви на мѣсто протоіерея Артемія Оржевскаго, который, согласно его прошенію, уволенъ заштатъ.

Воспитанникъ семинаріи Гавриль *Виноградскій* опредѣленъ во священника въ село Сычевку Козловскаго уѣзда, на мѣсто Семена Покровскаго, который, согласно его прошенію, уволенъ заштатъ.

Воспитанникъ семинаріи Николай *Ястремцевъ* опредѣленъ во священника въ село Новоселки Шацкаго уѣзда, на мѣсто Василя Аладинскаго, который, согласно его прошенію, уволенъ заштатъ.

Воспитанникъ семинаріи Николай *Троицкій* опредѣленъ во священника въ село Чернавку Тамбовскаго уѣзда, на мѣсто Василя Димитревскаго, который, согласно его прошенію, уволенъ заштатъ.

Свищенникъ села Богородицкаго Лебедянскаго уѣзда Михаилъ *Орловъ* перемѣщенъ въ село Алексѣевку, Малый Самовець тожь, Липецкаго уѣзда, а на мѣсто его перемѣщенъ села Малой Байгоры, тогоже уѣзда, Гавриль *Боголюбскій*.

2) О награжденіи набедренниками за особенно-усердную пастырскую службу.

Священники: Липецкаго уѣзда сель Тынькова Михаилъ *Даниловъ*, Телелюя Николай *Введенскій*, Фацевки Петръ *Кедровъ*, Ямани Капитонъ *Алексѣевъ*, Алексѣевки, Малый Самовець тожь, Михаилъ *Орловъ*, Усманскаго уѣзда села Каснаго Николай *Прозоровскій*, Михайловскаго Иванъ *Солертинскій* и Плоской Вершины Іоаннъ *Свѣтловъ* награждены набедренниками.

ское свидѣтельство (при неимѣніи его — выписка изъ метрическихъ книгъ), если поступають изъ домовъ.

§ 8. Лица, изъявившія желаніе поступить въ первый классъ семинаріи, подвергаются испытанію по предметамъ училищнаго курса. Предметы, удовлетворительное знаніе которыхъ необходимо для поступления въ первый классъ семинаріи, суть слѣдующіе:

А) Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета, — по руководствамъ:

а) Священная исторія Ветхаго Завета, протоіерея Рудакова; и б) Священная исторія Новаго Завета, его же.

Б) Христіанскій Катихизисъ, — по руководствамъ:

а) Пространный христіанскій катихизисъ и б) Начатки христіанскаго православнаго ученія.

Примѣчаніе: 1) Отвѣты на катихизическіе вопросы должны быть подтверждаемы однимъ или двумя текстами. 2) Тексты должны быть изучены на славянскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ.

В) Изъясненіе богослуженія, съ церковнымъ уставомъ, — по руководствамъ:

а) Краткое пособіе къ изученію церковнаго устава, священника Михайловскаго; б) Краткое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ, свящ. Никольскаго; в) Краткое изображеніе церковнаго устава (прот. Норова).

Г) Русскій языкъ.

а) Чтеніе плавное и вразумительное.
б) Толковый рассказъ прочитаннаго.
в) Письмо подъ диктовку безъ ошибокъ.
д) Правильное употребленіе знаковъ препинанія.
е) Обстоятельное знаніе этимологіи (склоненій, степеней сравненія прилагательныхъ и нарѣчій, сочетанія предлоговъ, формъ глагола, причастій и дѣпричастій) и спи-

тавсиса (согласованія словъ, состава и видовъ простыхъ и сложныхъ предложеній и проч.)

f) Письменное изложеніе какого-нибудь несложнаго разсказа изъ Священной исторіи.

g) Знаніе наизусть какого-нибудь стихотворенія изъ помѣщенныхъ въ дѣтскихъ учебникахъ — Паульсона и Ушинскаго.

Д) Церковно-славянскій языкъ.

a) Правильное, плавное и свободное чтеніе.

b) Знаніе главныхъ грамматическихъ формъ церковно-славянскаго языка.

с) Переложеніе съ церковно-славянскаго языка на русскій молитвъ и Новаго Завѣта.

Руководства Виноградова и Перевлѣскаго.

Е) Латинскій языкъ.

a) Правильное и свободное чтеніе.

b) Основательное и подробное знаніе этимологіи.

с) Главнѣйшія правила словосочиненія.

d) Знаніе всѣхъ словъ, заключающихся въ переводныхъ статьяхъ, по руководству Смирнова.

e) Умѣнье переводить съ русскаго языка на латинскій простыя предложенія, по словосочиненію сходныя съ русскими.

f) Умѣнье безошибочно писать подъ диктовку.

Ж) Греческій языкъ.

a) Правильное (по удареніямъ) и плавное чтеніе.

b) Изъ этимологіи: основательное знаніе склоненій именъ существительныхъ и перевода падежей греческихъ на соотвѣтствующіе имъ русскіе.

с) Правила объ удареніяхъ, придыханіяхъ, знакахъ препинанія, о слогахъ долгихъ и короткихъ и о сокращеніи гласныхъ.

д) Основательное знаніе: 1) склоненій именъ прилагательныхъ, измѣненій ихъ по родамъ и по степенямъ сравненія, съ точнымъ переводомъ на русскій языкъ; 2) именъ числительныхъ и мѣстоимѣній; 3) производства и образованія временъ въ правильныхъ глаголахъ (и измѣненія глаголовъ по залогамъ, наклоненіямъ, лицамъ и числамъ, — съ точнымъ переводомъ глагольной греческой формы на соотвѣтствующую ей русскую, — и склоненіе причастій: 4) производства временъ въ тѣхъ изъ неправильныхъ глаголовъ, которые встрѣчались въ переведенныхъ экзаменуящихся статьяхъ; 5) знаніе нарѣчій, степеней ихъ; 6) предлоговъ: различныхъ сочетаній ихъ въ предложеніяхъ и, соотвѣтственно этому, значеній; 7) союзовъ: союзовъ требующихъ согласнаго наклоненія.

е) Изъ синтаксиса: 1) о мѣстѣ и значеніи члена въ предложеніи; 2) о подлежащемъ и сказуемомъ; о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ; 3) о неокончателномъ съ членомъ; 4) о родительномъ самостоятельномъ; 5) о *Accusativ. cum infinitivo*; 6) объ измѣненіи дѣйствительной формы рѣчи въ страдательную и на оборотъ; 7) о глаголахъ, принимающихъ два именительныхъ падежа и два винительныхъ.

Въ переводѣ съ греческаго на русскій языкъ экзаменуящіеся испытываются по тѣмъ статьямъ, которыя были ими переведены въ училищѣ или на дому, и при этомъ требуется:

1) Дословный переводъ пройденнаго (съ удержаніемъ греческой конструкціи); 2) твердое знаніе значенія словъ, встрѣчавшихся въ переведенныхъ статьяхъ; и 3) умѣнье переводить простыя русскія предложенія на греческій языкъ.

Руководства: 1) Греческая грамматика Кюнера и 2) Христоматія Якобса.

3) Географія.

а) Основательное знаніе географіи, по руководству Корнеля или Кузнецова.

б) Умѣнье безъ затрудненія отыскивать и указывать на картѣ какъ государства, такъ и значительные города, рѣки и проч.

в) Умѣнье отыскивать на нѣмой картѣ и правильно чертить важнѣйшія государства и важнѣйшія мѣстности Россіи.

II) Ариметика.

а) Понятіе о величинѣ, единицѣ и числѣ. Четыре дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными числами.

б) Понятіе о числахъ простыхъ и кратныхъ. Разложеніе чиселъ на простые множители. Отысканіе общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго нѣсколькихъ равныхъ чиселъ.

в) Объ обыкновенныхъ дробяхъ и ихъ свойствахъ. Сокращеніе дробей и приведеніе ихъ къ общему наименьшему знаменателю.

г) Четыре дѣйствія надъ обыкновенными дробями.

д) О десятичныхъ дробяхъ и ихъ свойствахъ. Четыре дѣйствія надъ десятичными дробями.

е) Обращеніе обыкновенныхъ дробей въ десятичныя и наоборотъ. Обращеніе простой дроби въ непрерывную и наоборотъ.

ж) Объ именованныхъ числахъ; мѣры, употребляемыя въ Россіи. Раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ. Четыре дѣйствія надъ цѣлыми и дробными именованными числами.

з) Объ отношеніяхъ, пропорціяхъ и прогрессіяхъ.

и) Возвышеніе цѣлыхъ чиселъ и дробей въ степени и извлеченіе изъ нихъ корней.

к) О тройномъ правилѣ, правилѣ смѣшенія и правилѣ

товарищества.

§ 9. Желаящие поступить во 2-й классъ семинаріи, по выдержаніи испытанія по всѣмъ предметамъ, знаніе которыхъ требуется для поступленія въ первый классъ, сверхъ того имѣютъ испытываться: а) по священному Писанію (обозрѣніе Пятюннжія Моисеева, Иисуса Навина, Судей и Руѣъ, по руководству священника Смарагдова или учителя Лебедева, и изъясненіе сихъ книгъ); б) по всеобщей исторіи (древняя исторія, по руководству Иловайскаго; в) по Алгебрѣ (вся алгебра); г) по словесности (теорія словесности); д) по французскому и нѣмецкому языкамъ — правильное чтеніе и письмо и знаніе этимологіи и синтаксиса; е) по греческому языку — знаніе особенностей аттическаго діалекта, — производства временъ въ неправильныхъ глаголахъ, — синтаксиса простаго предложенія, по Кюннеру, умѣнье переводить Ксенофонта) и ж) по латинскому языку — знаніе простыхъ правильныхъ формъ этимологіи и словосочиненія, съ переводомъ примѣровъ изъ грамматики Смирнова съ латинскаго языка на русскій и обратно.

Сверхъ сего, они испытываются въ умѣньи писать сочиненія на заданныя простыя темы и дѣлать письменныя переложенія прочитанныхъ статей.

§ 10. Желаящие прямо поступить въ третій классъ семинаріи испытываются въ знаніи предметовъ, поименованныхъ въ § 8, и сверхъ того въ знаніи: а) историческихъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго Завета (объясненіе сихъ книгъ; обозрѣніе по руководству священника Смарагдова или учителя Лебедева); б) всеобщей исторіи (по руководству Иловайскаго); в) словесности, съ исторіею русской литературы; г) алгебры и геометріи; д) французскаго или нѣмецкаго языка (грамматика и переводъ); е) греческаго языка: 1) знаніе синтаксиса сложнаго предложенія по Кюннеру; 2) умѣнье переводить Плутарха (Θемистокль); 3) умѣнье

перевести на греческій языкъ всякое предложеніе, встрѣчающееся въ грамматикѣ Кюнера въ образцахъ, предложенныхъ для перевода на греческій языкъ; 4) отчетливое знаніе значенія словъ, встрѣчающихся въ грамматикѣ Кюнера и ж) латинскаго языка—знаніе неправильныхъ формъ этимологіи и синтаксиса (идіотизмовъ) съ примѣрами изъ грамматикъ Смирнова. Переводъ книги: „De viris illustribus urbis Romae“.

Пишутъ сочиненія по словесности.

§ 11. Желающіе поступить въ четвертый классъ семинаріи испытываются въ знаніи предметовъ, поименованныхъ въ §§ 8 и 10, и сверхъ того въ знаніи: а) учительныхъ книгъ Ветхаго Завета (изъясненіе, обзоръ по руководству священника Смарагова или Лебедева); б) русской гражданской исторіи (по руководству Иловайскаго); в) тригонометріи (плоской) и началъ Пасхалии; г) логики; д) греческаго языка: 1) знаніе особенностей іоническаго діалекта; 2) отчетливое знаніе греческой этимологіи и синтаксиса въ предѣлахъ, указанныхъ для поступающихъ въ 1, 2 и 3-й классы; е) латинскаго языка — знаніе особенныхъ формъ словосочиненія (syntaxis ornata). Переводы нѣсколькихъ главъ (до 11-ти) Саллюстія (Catilinaria) и Цицерона—нѣсколькихъ писемъ по выбору и „De officiis“ (1 до 5 главы); и ж) нѣмецкаго и французскаго языковъ—основательное знаніе грамматикъ и умѣнье переводить съ нѣмецкаго и французскаго языка на русскій и наоборотъ.

Сверхъ того, испытывающіеся пишутъ сочиненія на темы, данныя наставниками св. Писанія, словесности и логики.

§ 12. Для поступленія въ пятый классъ семинаріи требуется, кромѣ знанія предметовъ, поименованныхъ въ §§ 8, 10, и 11, знаніе: а) пророческихъ книгъ Ветхаго Завета (изъясненіе; обзоръ по руководству Смарагова или Лебедева); б) психологіи; в) обзора философскихъ ученій;

г) физики и д) греческаго языка—умѣнье переводить, при незначительной помощи экзаменующаго (состоящей въ припоминаніи значенія словъ) шестую книгу Геродота и дѣлать обстоятельный этимологическій и синтаксическій разбор прочитаннаго и е) латинскаго языка — полный грамматическій курсъ по руководству Смирнова. Письменный переводъ съ русскаго языка на латинскій. Переводъ Тацита (Annales) до 5 главъ. Знаніе латинскаго стихосложенія (просодіи) съ переводомъ стиховъ Діонисія Катона, помѣщенныхъ въ латинской хрестоматіи Кирьякова, и начальныхъ главъ Виргиліевой Энеиды.

Сверхъ того, испытуемый пишетъ сочиненія на темы, данныя наставниками: св. Писанія, словесности и логики, психологіи и обзора философскихъ ученій.

Примѣчаніе 1. Окончившіе курсъ въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи (не моложе 18 лѣтъ) и желающіе поступить въ семинарію для изученія предметовъ собственно богословскаго образованія въ пятомъ и шестомъ классахъ, могутъ быть приняты въ семинарію по испытаніи въ тѣхъ богословскихъ предметахъ, коихъ они не проходили въ свѣтскихъ заведеніяхъ (въ знаніи св. Писанія Ветхаго Завета).

Примѣчаніе 2. По личному усмотрѣнію его высокопреосвященства, для изученія предметовъ собственно богословскаго образованія, могутъ быть приняты въ семинарію люди зрѣлаго возраста, не моложе 28 лѣтъ, имѣющіе значительную церковную начитанность.

§ 13. Приемныя экзамены въ семинаріи начинаются 17 августа, по особо-составленному росписанію.

§ 14. Желающіе поступить въ семинарію, предварительно осматриваются семинарскимъ врачомъ, и, по письменномъ доносеніи его правленію о томъ, что осматрѣнные могутъ или не могутъ (и по чему именно) быть допущены въ семинарію, — благонадежные по состоянію сво-

его здоровья допускаются къ экзаменамъ.

§ 15. Получившіе на сихъ экзаменахъ высшіе (начиная съ 5 до 3 включительно) баллы по каждому предмету, принимаются въ семинарію, въ установленномъ для каждаго класса числѣ, по порядку полученныхъ балловъ. Въ случаѣ равенства балловъ и недостатка вакансій приемъ рѣшается жребіемъ.

§ 16. Всѣ вновь принятые въ семинарію немедленно заявляютъ, въ самой ли семинаріи они желаютъ помѣститься на житье, или у родителей и родственниковъ, или же на наемныхъ квартирахъ и гдѣ именно.

§ 17. Желаютіе помѣститься на житье въ семинарію полными пансіонерами платятъ за содержаніе 90 р.; пансіонеры, пользующіеся всѣмъ кромѣ одежды отъ семинаріи, платятъ по 50 р.; полупансіонеры, пользующіеся только столомъ отъ семинаріи, платятъ по 45 рублей.

(Церк. Лѣт.)

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 3 Сентября 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

15 СЕНТЯБРА

№ 18.

1868 ГОДА.

КАКЪ СОСТАВИТЬ ПРОПОВѢДЬ?

(Продолженіе.)

Выраженіе или слогъ.

Когда говоритъ сердце, *слововыраженіе* будетъ само укладываться по вѣсьмъ правиламъ краснорѣчія. Красота рѣчи не зависить отъ искуснаго сочетанія словъ и выраженій, а отъ прекраснаго строенія мыслей и чувствъ, источаемыхъ сердцемъ, какъ и красивость тѣла—не отъ красоты кожи, а отъ красоты внутренняго строенія, и отъ полноты внутренней жизни. Отъ избытка сердца говорятъ уста. Когда хорошая мысль и чувство привлекають соотвѣтственное себѣ слововыраженіе, тогда сіе послѣднее всегда прекрасно. Слово же красное, придуманное, изобрѣтенное, а не привлеченное, непорожденное сердцемъ, безсильно и безцвѣтно. Простой и неученый, когда говоритъ отъ сердца, говоритъ краснорѣчиво. Конечно, хорошо знать правила и вѣсь пріемы краснорѣчія; но вмѣстѣ надобно помнить, что не въ нихъ сила. Управителемъ ихъ и распорядителемъ при составленіи слова долженъ быть тотъ же, кто править и вѣсьмъ теченіемъ мыслей (сердце), а не внѣшнее искусство.

Слогъ есть теченіе, сочетаніе оборотовъ и выраженій, привлекаемыхъ или рождаемыхъ чувствами и мыслями, соотвѣтственно и предмету цѣли слова.

Отсюда видно, что въ слогъ можно различать три стороны: а) *внутреннюю*—степень чувства и сила мысли; б) *внѣшнюю*—теченіе и порядокъ выраженій то есть реченій, предложеній, періодовъ, или *языкъ*: и в) *среднюю* между ними — теченіе и порядокъ, то есть тропь и фигуръ. Каждая изъ сихъ сторонъ сообщаетъ слогу особыя качества, которыми одно слово отличается отъ другаго.

а) *Внутренняя сторона проповѣдническаго слова.*

Сила чувства и напряженіе мысли опредѣляютъ *тоны* слова. Тоновъ обыкновенно различаютъ три: *простой*, отличающійся легкостью, безыскусственностію, непринужденностію; *средній*, отличающійся живостію и быстротою движеній, и *высокій*, отличающійся силою, великолѣпіемъ и поразительностію.

Такое различіе тоновъ происходитъ какъ отъ различной степени силы чувствъ и мыслей, такъ и отъ качества тѣхъ способностей, какія работаютъ вмѣстѣ съ сердцемъ при сочиненіи. Если при спокойномъ сердцѣ работаютъ болѣе здравое разсужденіе и созерцаніе съ памятію, слогъ будетъ простой. Ежели къ этимъ способностямъ присоединится живое воображеніе, а между тѣмъ сердце придетъ въ движеніе и мысль получитъ большее напряженіе; тогда слогъ будетъ живой, цвѣтистой, оборотливый. Когда умъ, погружаясь въ глубокія и возвышенныя созерцанія, беретъ себѣ въ помощницу творческую фантазію и восхищается сердцемъ, тогда слогъ будетъ высокій.

Всѣ сіи тоны могутъ имѣть мѣсто въ проповѣди, сохраняя тѣ же характеристическія черты, какія свойственны имъ и во всѣхъ другихъ словесныхъ произведеніяхъ.—На основаніи общихъ касательно употребленія ихъ правилъ замѣтимъ:

1) Въ каждомъ словѣ прилично быть одному господствующему тону, не такъ, однакожъ, чтобъ онъ исключалъ всѣ прочіе; по различію предметовъ и даже частей слова онъ можетъ переходить и въ другіе.

2) Если примѣнять тоны къ частямъ проповѣди, то приступу съ предложеніемъ и раздѣленіемъ приличнѣе тонъ простой, части доказывающей—средній, части увѣщательной—высокій, къ заключенію идутъ всѣ. Это однакожъ не неизмѣнный законъ.

3) Если примѣнять тоны къ слушателямъ, то въ селѣ скорѣе принесетъ плодъ простота; къ классу образованному идутъ болѣе другіе два тона—средній и высокий.

Проповѣднику сверхъ того надобно помнить, что 1, онъ беретъ предметы изъ міра духовнаго и долженъ вести всѣхъ къ жизни духовной. Въ области же духовной царствуетъ *высокая простота*. Эта высокая простота и должна быть господствующимъ тономъ проповѣди. Вошедшій въ духовную область созерцаетъ все и рассказываетъ о сокровищахъ ея, какъ исторію—просто, желая только растолковать, внушить, убѣдить. Таковъ святитель Тихонъ. Его можно поставить въ образецъ церковнаго слога. 2, Въ живущихъ по духу силы, производящія тоны слога, одни умираютъ, другія перерождаются, и нѣтъ паренія ума—источника ихъ. Потому ихъ тоны не могутъ различаться по

вышней оболочкѣ. Ихъ простота, середина и высота духовныя. Вышность всегда простая, пропитанная духомъ благоговѣйнаго умиленія и смиренія. Вотъ тонъ слога проповѣдническаго. 3, Этимъ господствующимъ тонамъ свойственно являться въ проповѣди въ слѣдующихъ видахъ, опредѣляемыхъ ея назначеніемъ: увѣщательномъ, учительномъ, утѣшительномъ, иногда обличительномъ, хвалебномъ, торжествующемъ, сѣтующемъ.

б) *Средняя сторона проповѣдническаго слога.* Течение и строй оборотовъ рѣчи, то есть, тропь и фигура. Проповѣдь не можетъ чуждаться ихъ, и потому, что они естественны въ мысляхъ и рѣчи человѣческой, и особенно потому, что существенная форма проповѣди должна быть собесѣдовательная, какою она не можетъ сдѣлаться иначе, какъ чрезъ употребленіе, такъ называемыхъ, *фигуръ мнѣній*, отвѣтствованія, вопрошенія, уступленія, предупрежденія, прохожденія умолчанія, обращенія, восклицанія, умоленія, желанія и проч. и проч. Рѣчь проповѣди не должна быть равно-текущею, но должна обращаться то къ слушателямъ, то къ предмету, то къ себѣ, то къ Богу. Это сообщаетъ ей живость, разнообразіе, занимательность.

Касательно употребленія ихъ въ проповѣди должно замѣтить: 1) тропы и фигуры должны быть вызываемы мыслію, а не изобрѣтаемы и не придумываемы, не навязываемы ей, то есть, должны быть естественны.

2) Но должны быть, и быть разнообразны. Можно обойтись и безъ тропь (метафоръ, иперболю и проч.) и то не всегда, а безъ фигуръ проповѣдь теряетъ свое значеніе. Только нужно *разнообразить*

и въ частяхъ проповѣди, и во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ, судя по свойству предметовъ и цѣли. Одинъ и тотъ же оборотъ, слышимый непрестанно, наводитъ скуку и усыпляетъ и утомляетъ.

3) Надобно *сообразать съ своею цѣлю и слушателями*. Не всякой оборотъ и естественный можетъ быть приличенъ проповѣди, или своему въ ней мѣсту. Потому иногда нужно замѣнить одинъ другимъ, или обратить въ простую рѣчь—или простую рѣчь превратить въ фигурную. Руководитель въ этомъ—вкусъ проповѣдника. Онъ долженъ употреблять только то и такъ, что и какъ внушить ему его отеческая ревность—вразумить, убѣдить, побѣдить.

4) Долженъ помнить проповѣдникъ, что проповѣдь не есть рѣчь *ораторская* или *адвокатская*, и никакъ не увлекаться духомъ *паренія*, *возношенія* и *гордыни*. Какъ его главный тонъ есть тонъ благоговѣйнаго смиренія и умиленія; то все обороты рѣчи его должны носить тотъ же отпечатокъ. Обороты, противные важности и достоинству церковнаго слова, унижаютъ слово и отвращаютъ отъ него. Тотъ же плодъ отъ остротъ, смѣшныхъ выраженій, счастливыхъ фразъ, которыя выдаются въ цѣломъ словѣ и торчатъ какъ чучелы.

в) *Внѣшняя сторона проповѣдническаго слога, теченіе и строй выраженій,—реченій, слоговъ и буквъ, или языкъ проповѣдническій.*

Языкъ проповѣди удерживаетъ 1) общія свойства словеснаго языка, 2) разнится отъ него своимъ *составомъ*, а чрезъ то *внутреннимъ характеромъ*.

1. Общія свойства языка, которыя долженъ удерживать и языкъ проповѣдническій, суть *одни а,*

граматическія, другія б) логическія, третьи в) эстетическія.

А) Граматическія свойства слога суть: а) чистота, *повельвающая* употреблять слова и выраженія только отечественныя, и только такія, какія отечественный языкъ почитаетъ очищенными, и *запрещающая* употребленіе словъ и выражений *чужихъ, обвешалыхъ и площадныхъ*, но *воздерживающая* вмѣстѣ и отъ излишней *вычищенности, щегольства и новомодности*. Проповѣдникъ долженъ, однакожъ, помнить замѣчаніе бл. Августина касательно чистоты языка проповѣдническаго: «хорошіе бесѣдовники болѣе всего стараются и должны стараться о ясности въ своихъ бесѣдахъ; и потому если выраженія чистыя (признанныя чистыми) въ образованномъ языкѣ, темны и могутъ быть двусмыслены для твоихъ слушателей, а въ просто-народной рѣчи есть на мѣсто ихъ слова и выраженія хотя нечистыя, но за то ясныя и понятныя; въ такомъ случаѣ и употреблять должно сіи послѣднія!»

б. *Правильность*, состоящая въ надлежащемъ соблюденіи законныхъ формъ языка, предписываемыхъ *этимологіею и синтаксисомъ*. Нарушаютъ правильность, когда неправильно *соглагошаютъ* слова, *неправильное* даютъ имъ *управленіе и разстановку*. Должно однакожъ замѣтить, что *славянизмъ*, слова и выраженія изъ библіи и церковныхъ книгъ, и ихъ разстановка не нарушаютъ правильности языка въ проповѣди; а нарушаютъ ее *латинизмъ, галицизмъ и проч.*

б) Логическія свойства слога суть: а) *точность*, требующая, чтобъ слова и выраженія обозначали *точь въ точь ту мысль, къ которой относятся.*

б) *Опредѣленность*, требующая, чтобъ слова и выраженія вѣрно обозначали границы мысли, не расширяли ихъ, ни сокращали, чтобъ не было ни *договорокъ*, ни *переговорокъ*.

в) *Связность*, требующая, чтобъ слова и выраженія вязались одни съ другими естественно, какъ должны быть связаны въ словѣ самыя мысли.

Требованія сии касаются употребленія надлежащихъ существительныхъ, употребленія прилагательныхъ и вносныхъ предложений, какія нужны, и въ такомъ количествѣ. въ какомъ нужны и употребленія *связокъ*, соответствующихъ теченію мыслей. Очевидно, что у кого мысли точны, опредѣленны и текутъ связно; у того и языкъ будетъ точенъ и опредѣленъ и связанъ; какъ и на оборотъ, неточность, неопредѣленность и несвязность языка обличаютъ неточность, неопредѣленность и несвязность мыслей.

Рѣчь, въ которой соблюдены сии свойства, бываетъ *ясна*, *полна* и вмѣстѣ *кратка*. Напротивъ беспорядочный наборъ существительныхъ, прилагательныхъ и вносныхъ предложений, и отсутствіе надлежащихъ *связокъ* дѣлаютъ рѣчь *безхарактерною*, *сбивчивою*, *запутанною*, *растянутою*, *тежною*.

г) Эстетическія свойства слога всѣ вмѣстѣ составляютъ *гармонію языка*, которая требуетъ гармоническаго теченія и сочетанія звуковъ,—буквъ гласныхъ и согласныхъ, гармоническаго теченія и сочетанія *кадансовъ* и *отдыховъ*, гармоническаго соотношенія *цѣлыхъ пунктовъ* и *періодовъ*. Первое даетъ *благозвучіе* и *плавность*, второе—*мѣрность*, *рифмъ*, третье—*окружность*.

а) *Благозвучіе* отвергаетъ стеченіе многихъ гласныхъ и согласныхъ, повтореніе *врядъ* однихъ и тѣхъ

же гласныхъ и согласныхъ, и сочетаніе звуковъ трудныхъ. Несоблюденіе сего требованія дѣлаетъ рѣчь скрипучею, стучащею, рѣжущею ухо, или глухою и вялою.

в) *Мѣрность* (ритмъ, *metreus*) соразмѣряетъ кадансы или главныя ударенія въ теченіи предложеній, цѣлаго періода, подобно падающимъ равномерно каплямъ. Несоблюденіе сего дѣлаетъ рѣчь *шероховатою, неровною, спотыкающеюся*, когда между краткими римами вставляется долгій, или наоборотъ, тѣ и другія перепутываются безъ всякаго соотношенія. Законъ *мѣрности*,—чтобъ ритмъ сколько можно былъ *одинаковъ* въ частяхъ періода, или возрасталъ и сокращался постепенно; но никогда не подходилъ къ ритму стихотворному, и непрестанно *разнообразился*. Когда допустится одинъ и тотъ же кадансъ въ частяхъ періода, или въ двухъ смѣжныхъ періодахъ, рѣчь сдѣлается монотонною и скучною.

в) *Округлость* требуетъ соразмѣрности одной части періода съ другою и періодовъ съ періодами. Періоды длинныя, нестройно размѣщенные, то расширяющіеся, то вдругъ сокращающіеся, нарушаютъ округлость рѣчи. Лучше, когда идутъ они, или постепенно расширяясь, или постепенно сокращаясь.

Эстетическія свойства слога трудно соблюсти, когда пишется слово; тутъ не до звуковъ, не до слоговъ, или періодовъ. Однакожъ не должно и оставлять все, какъ вышло изъ подъ пера, а позаботиться *сгладить* слогъ. Руководитель здѣсь не правило, а вкусъ музыкальный, свойственный всякому въ большей или меньшей мѣрѣ. Сверхъ того мысль стройно-текущая сообщитъ и языку все эстетиче-

екія достоинства: тогда, естественно, льется рѣчь благозвучная, мѣрная и круглая.

2) *Какой вообще языкъ свойственъ проповѣди.*

а) *Языкъ того круга людей, къ которымъ обращается слово, но облагороженный, возвышенный и освященный языкомъ б) библейскимъ и в) церковнымъ.* Первый составляетъ основу, послѣдніе два приходящія, но необходимыя стихіи. Изъ тѣснаго и живаго сліянія сихъ трехъ составляетъ языкъ достойный церковной кафедрѣ.

а) Проповѣдь должна быть понятна для тѣхъ людей, къ которымъ она обращается. Слѣдовательно, ея языкъ долженъ быть близокъ и сроденъ съ тѣмъ языкомъ, которымъ говорятъ сіи люди. Этотъ языкъ двухъ родовъ: языкъ общества образованнаго, и языкъ простонародный. Слѣдовательно, проповѣдь должна приближаться къ языку образованному, когда нужно говорить ее предъ образованными, и къ языку простонародному, когда произноситься должна предъ простымъ народомъ. Но, при мѣняясь къ тому и другому, она не должна заходить за предѣлы, полагаемые ей ея мѣстомъ и назначеніемъ. Все несообразное съ достоинствомъ церковной кафедрѣ и спасительною цѣлію проповѣди, не должно быть допускаемо въ нее, ни изъ образованнаго, ни изъ простонароднаго языка. Свѣтская или литературная нарядность, щеголеватость и легкость также унижаютъ ее, какъ грубость, неопрятность и низкость иныхъ словъ и оборотовъ языка деревенскаго. Благоразумный пастырь найдетъ истинную мѣру употребленія того и другаго, заботясь притомъ болѣе о томъ, чтобъ быть поняту и приняту, нежели о томъ, чтобъ понравиться и занять слушателей на время съ пріятностію.

б) Языкъ библейскій есть главная стихія, кою долженъ быть возвышаемъ и облагороживаемъ языкъ общественный въ словѣ церковномъ. Церковная бесѣда есть воспроизведеніе слова Божія потому въ ней должны быть не только мысли библейскія; но аа) и слова, обороты и бб) цѣлыя изреченія.

аа) Есть слова и фразы, отъ которыхъ никогда и отступать не должно,—такъ слова: благодать, искупленіе, грѣхопаденіе, пакибытіе, похоть плоти, внѣшній и внутренній человекъ, и проч... и фразы: смертію умереть, мужъ кровей, мужъ по сердцу Божию, одръ болѣзни, и проч. Но и вообще чѣмъ болѣе войдетъ въ слово церковное слово и оборотовъ, взятыхъ изъ библіи, хотя бы и въ своемъ языкѣ были соотвѣтственны имъ слова и обороты приличныя, тѣмъ слово будетъ величественнѣе, священнѣе и дѣйственнѣе. Только это должно состоять не въ рабской выпискѣ фразъ изъ библіи, а въ свободномъ сліяніи ихъ съ обыкновенною рѣчью. Вотъ примѣръ изъ рѣчи Св. Димитрія Ростовскаго при вступленіи на паству Ростовскую.

«Да не смущается сердце ваше о моемъ къ вамъ пришествіи: дверьми бо внидохъ, а не презлазй инудѣ. Не искахъ, но поисканъ есмь, и не вѣдахъ васъ, ниже вы мене вѣдаете; судьбы же Господни—бездна многа. Тыя послаща мя къ вамъ; азъ же придохъ къ вамъ не да послужите ми, но да послужу вамъ, по слову Господню: хотяй быти въ васъ первый, да будетъ всѣмъ слуга.»

бб) Употребленіе цѣлыхъ изреченій, большихъ и малыхъ, и само собою уже сообщаетъ бесѣдѣ

церковной видъ библейскій. Что за проповѣдь безъ текетовъ? но и набирать текеты безъ нужды и связи не хорошо. Надобно напередъ подготовить мѣсто тексту, чтобъ само теченіе мыслей требовало его, и вставка его была необходимою. Текстъ, который можно выпустить, не разстроивая рѣчи, приведенъ излишне. Еще тѣснѣе сливается текстъ съ рѣчью, когда дѣлается ему перифразъ или разъясняется его смыслъ, подающій поводъ къ новымъ мыслямъ. Тогда онъ бываетъ не только подготовленъ, но сопровождается рѣчью связанною съ нимъ. Текеты лучше приводить ясные, неясные, хотя мало, пояснять; не хорошо сцѣплять текеты и составлять изъ нихъ цѣлыя отдѣленія, когда связь между ними трудно видится даже самымъ проповѣдникомъ. Текеты—соль проповѣди: и правило касательно употребленія ихъ то же, что и правило касательно употребленія соли въ пищу, то есть, чтобъ ихъ было не мало, но и не много.

в) Вторая стихія, которая неизбежно должна входить въ словъ въ языкъ народный, есть *языкъ церковный*, то есть, рѣчь славянская. Даже и свѣтскіе писатели обращаются къ словамъ и оборотамъ церковно-славянскимъ, коль скоро предметъ рѣчи выступить за черту обыкновенныхъ вещей, или мысль принимаетъ тонъ важный и возвышенный. Тѣмъ болѣе въ словъ церковномъ умѣстенъ славянизмъ. Вообще можно положить, что онъ долженъ быть преобладающею стихіею въ языкѣ проповѣдническомъ. Не только важность предметовъ привлекаетъ его, но и благоговѣйный духъ, который долженъ быть въ ней господствующимъ, и уваженіе самыхъ слушателей къ церковно-славянской рѣчи. Есть даже части въ проповѣди, кои

ме иначе должны быть выражаемы, какъ славянскою рѣчью,—каковы: молитвенныя обращенія къ Богу. Но какъ въ отношеніи къ библейскому языку, такъ и въ отношеніи къ языку церковному законъ: употреблять его слова, фразы и даже цѣлыя изреченія такъ, чтобъ они естественно сливались съ обыкновеннымъ языкомъ проповѣди.

(Продолженіе будетъ.)

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Николя.

XV.

О БОГОСЛУЖЕНИИ И ОБРЯДАХЪ.

«Прекрасное, или изящное есть сіяніе истины». Это изреченіе, которое такъ счастливо оправдывается само себя, кажется, создано единственно для охарактеризованія богослуженія Церкви Христовой. Справедливость этой мысли въ большей очевидности представляется, если къ этому опредѣленію прекраснаго присоединимъ другое, которому также нельзя отказать въ правильности: «прекрасное есть то, что нравится просвѣщенной добродѣтели».

Если только объ *истинно-прекрасномъ* можно сказать, что оно есть *сіяніе истины*; то нельзя не согласиться, что *истина* Религій Христовой не менѣе сіяетъ въ ея богослуженіи, какъ и въ ея ученіи, догматическомъ и нравственномъ. Въ ея богослуженіи, — въ ея храмахъ, пѣснопѣніяхъ, молитвахъ и обрядахъ, относящихся къ богослуженію, усматривается наиболѣе этого истинно-прекраснаго, — того прекраснаго библейскаго и евангельскаго, которымъ проникнуты наши изящныя искусства, и которое, очевидно, есть благороднѣйшее рожденіе совокупнаго дѣйствія генія и добродѣтели.

Такимъ образомъ въ Христіанствѣ запечатлѣ-

вается совершеннѣйшій союзъ и единство тройственной идеи истиннаго, добраго и прекраснаго. Въ немъ истинное, доброе и прекрасное сливается до единства совершенно нераздѣльнаго; и если по его только духу думаютъ рѣшать вопросъ объ искусствѣ и вкусѣ, то неизбежно принимаютъ на себя задачу рѣшать вмѣстѣ и вопросъ о его ученіи нравственномъ и догматическомъ.

Это положеніе могло бы послужить плодотворнымъ источникомъ самыхъ обширныхъ изслѣдованій. Но одному гениальному духу дается способность говорить о духѣ Христіанства; и такой гений уже нашелся. Шатобрианъ соединилъ славу своего гения съ славою Религіи Христіанской. Если этотъ великій писатель имѣлъ столь огромное вліяніе на свой вѣкъ, что, можно сказать, не было въ наше время ни одного замѣчательнаго таланта, который бы не находилъ себѣ возбужденія и ободренія въ духѣ его сочиненій; то это отъ того, что онъ самъ почерпалъ такой духъ изъ высшихъ источниковъ прекраснаго, въ Христіанствѣ, которое служило для него какъ бы органомъ Божественнымъ въ звучномъ храмѣ,— органомъ, котораго гармонически настроенныя клавиши ожидали только руки этого артиста, чтобы привлекать множество душъ христіанскихъ къ алтарямъ церковнымъ.

Послѣ этого намъ остается только молчать и вмѣстѣ съ другими удивляться, что не умѣемъ ему подражать. Однакожь мы считаемъ себя обязанными войти по этому предмету въ нѣкоторыя общія размышленія, имѣющія болѣе частныя отношенія къ *философскому* направленію нашего труда.

1. Намъ кажется, что мы не имѣемъ нужды

доказывать необходимость внѣшняго богослуженія, когда мы отчасти уже сдѣлали это, изъясняя потребность Таинствъ.

Между прочимъ, кому не извѣстно, какое дѣйствіе на мысль производитъ слово, какое вліяніе на волю и чувства имѣютъ дѣйствіе и его выразительность?! Вѣдь извѣстно, что и наши собственныя мысли достигаютъ болѣе полной ясности и раздѣльности въ сознаніи не прежде, какъ когда пройдутъ чрезъ чувственныя формы, облечутся въ свойственныя имъ выраженія и сдѣлаются видимы, такъ сказать, сами для себя. «Отрицать необходимость и пользу внѣшнихъ обрядовъ и практики въ дѣлѣ Религіи, говоритъ Порталисъ, значитъ представлять доказательство собственнаго неразумія и глупости; ибо это значитъ отрицать могущественное вліяніе чувственныхъ понятій на существа не чисто духовныя, а облеченныя въ чувственное тѣло; значитъ отрицать и силу привычки. Обряды и практика для нравственности и религіозныхъ истинъ тоже, что чувственные знаки для мыслей». (*)

Если человекъ сознаетъ себя обязаннымъ воздавать Богу подобающее благоговѣніе и служеніе, то онъ долженъ исполнять это всецѣло всемъ своимъ существомъ, не умомъ только и сердцемъ, но и воображеніемъ, чувствами и внѣшними знаками. Да и что бы онъ дѣлалъ въ семъ случаѣ съ своею чувственною природою, если бы не заставлялъ ее принимать участіе въ томъ же служеніи? Самая естественная необходимость требуетъ приведенія ея

(*) De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophique t. 11, p. 162.

въ это участіе. Отъ самаго человѣка не зависитъ отрѣшиться отъ своей чувственной природы: она или неизбежно слѣдуетъ за его духомъ, или сама увлекаетъ его; и поэтому остается одно: чтобы духъ не былъ увлекаемъ чувственною природою отъ благоговѣйнаго служенія Богу, необходимо ее самую привлекать къ этому и заставлятъ свойственнѣмъ ей образомъ принимать участіе въ этомъ служеніи. Силы этого доказательства нельзя ослабить тою мыслию, будто Богъ, какъ духъ чистый и всевѣдущій, читающій во глубинѣ сердецъ нашихъ, не имѣетъ нужды въ употребленіи съ нашей стороны чувственныхъ знаковъ для выраженія предъ Нимъ нашего внутренняго благоговѣйнаго чествованія его безпредѣльнаго величія. Тутъ дѣло идетъ не о томъ, нуждается ли Богъ въ нашемъ внѣшнемъ служеніи Ему, а о томъ, что самъ человѣкъ по собственной природѣ имѣетъ нужду и обязанъ служить Богу и духомъ и тѣломъ. Человѣкъ имѣетъ настоятельную нужду выражать во внѣшнихъ знакахъ то, что онъ чувствуетъ, говорить о томъ, что онъ думаетъ, дабы самыя чувства его были живѣе и полнѣе, а мысли—яснѣе и точнѣе, особенно когда предметы его чествованій и мыслей не согласуются съ его склонностями и слабостями. Ему необходимо въ этомъ случаѣ пользоваться всеми своими силами и способностями и этими самыми чувствами, дабы при такомъ содѣйствіи ихъ не увлекаться предметами сторонними и даже противоположными; необходимо приступать къ служенію Богу со всеми силами своей мысли, подобно тому какъ искусный генераль пользуется буйными или трусливыми солдатами, на которыхъ хотя и не полагаются, но заставляетъ сражаться, перемѣшивая ихъ

съ храбрыми и надежными воинами.

Не забудемъ и того, что Религія Христіанская предназначена соединять людей взаимно другъ съ другомъ тѣмъ же союзомъ, которымъ соединяетъ ихъ съ Богомъ. Она имѣетъ въ виду обнимать и объединять собою все человѣчество во всей совокупности его недѣлимыхъ, какъ его членовъ, дабы возвести ихъ къ одиному совершенству въ единствѣ Божескомъ. Изъ этого и вытекаетъ необходимость для самой Религіи облекаться въ формы внѣшнія и чувственныя, которыя бы приводили людей ко взаимному соединенію другъ съ другомъ, дѣйствуя на нихъ обще и одинаковымъ образомъ, на всѣхъ и каждого.

Притязанія извѣстнаго разряда философовъ нашего времени направлены къ тому, чтобы разоблачить, какъ говорятъ они, истину христіанскую отъ символовъ и мало по малу возвести разумъ человѣческой къ свободному и чистому ея созерцанію. Поэты той же школы, не имѣя возможности во всѣхъ случаяхъ обходиться вполне безъ образовъ и символовъ, съ особеннымъ удовольствіемъ разливаются въ какомъ-то непонятномъ натурализмѣ пантеистическомъ, гдѣ земля съ своими растеніями и цвѣтами, небо съ своими звѣздами и облаками, море съ своими волнами представляются у нихъ выражающимъ Божество лучше, чѣмъ крестъ Христа Спасителя. Но не устранивъ высокаго языка творенія, котораго, впрочемъ, наши священныя писатели являются несравненно лучшими истолкователями, чѣмъ тѣ сочинители, на которыхъ сдѣлано мною указаніе, я утверждаю, что останавливаться такимъ образомъ исключительно на этомъ естественномъ порядкѣ значитъ во все устранять

Христіанство, имѣющее въ основаніи своемъ порядокъ сверхъестественный, чувственно и видимо одицетворенное въ Иисусъ Христъ и Его Церкви, значить клеветать на самую природу нашу, бѣдность и немощи которой громко говорятъ за Христіанство и оправдываютъ Божественныя пособія, имъ предлагаемыя. Совершенно справедливо говорить одинъ протестантскій богословъ: «я ничего не понимаю въ поэтическихъ представленіяхъ Ламартина о Богѣ, неопредѣленныхъ и безформенныхъ; въ нихъ не представляется ни ногъ, которыя могъ бы я обливать моими слезами, ни колѣнь, которыя могъ бы я обнимать, ни глазъ, въ которыхъ могъ бы я читать помилованіе меня, ни устъ, которыя могли бы изрекать мнѣ прощеніе; въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго, а я имѣю нужду въ Богочеловѣкѣ». (*)

Протестанство, впрочемъ, само по отношенію къ Богу удержало только отвлеченности, и, по сущей правдѣ, наблюдая его храмы, нельзя сказать, кому въ нихъ поклоняются, даже, поклоняются ли тамъ кому либо. Эти храмы не болѣе, какъ зданія со всеми удобствами; ихъ можно посѣщать

(*) Vinet, Essais de philosophie morale et religieuse, p. 313. Знаменитый Нибуръ также говорилъ: „Христіанство нашихъ философовъ и новѣйшихъ пантеистовъ — для меня во все не христіанство. Безъ Бога личнаго, безъ личности человѣческой, безъ вѣры, утверждающей на историческихъ основаніяхъ, нѣтъ христіанства. Тутъ нѣтъ ничего кромѣ умственного философствованія. Я уже не разъ говорилъ, что я не желалъ бы Бога метафизическаго. Что касается меня, я признаю только Бога Библии, который есть Любовь для любви.“ (Цитата изъ Revue britaniqu., Декаб. 1840 года.)

сь большимъ удовольствіемъ; но они однакожь совершенно обнажены отъ всего, что можетъ напоминать человѣку о его зависимости отъ Бога, возбуждать и питать въ немъ чувства благочестія. Это домъ человѣческой, а не домъ Божій. На это протестанты отвѣчаютъ, что такъ у нихъ дѣлается изъ особеннаго благоговѣнія къ Богу, котораго ничто земное не можетъ представлять достойнымъ образомъ; и они даже за иконопочитаніе укоряютъ Церковь православную въ идолопоклонствѣ. Но при этомъ самъ собою представляется вопросъ: можетъ ли родиться въ сердцѣ благоговѣніе къ Богу безъ живаго сознанія и чувства собственной немощи человѣческой, и не значить ли лишать себя этого сознанія и чувства, а слѣдственно, и благоговѣнія къ Богу, когда считаютъ себя естественно настолько способными, сильными и развитыми, что думаютъ безъ всякихъ чувственныхъ пособій возноситься къ Богу, здѣсь—на землѣ созерцать Его лицомъ къ лицу, и такимъ образомъ еще въ бренномъ тѣлѣ усвоить себѣ преимущества чистыхъ духовъ? Представляется вопросъ: такая притязательность на высокія преимущества природы ангельской не вытекаетъ ли изъ того самаго чувства, которое внушило падшему ангелу дерзкое посягательство сравняться со Всевышнимъ Творцемъ, и не есть ли это идолопоклонство, даже худшее всякаго другаго,—идолопоклонство самому себѣ?..... Не есть ли это нечестивая измѣна самой вѣрѣ Христіанской, которая существенно основывается на необходимости *видимаго* Посредника, на воплощеніи Сына Божія, на томъ, что *Слово стало плотию....., и мы видѣли славу Его, славу, какъ единороднаго отъ Отца?*

Впрочемъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ долженъ поклоняться Богу и служить Ему, не можетъ быть разрѣшенъ самимъ человекомъ. Это само собою разумѣется. Одинъ Богъ имѣетъ право и власть опредѣлить, какъ мы должны почитать Его и поклоняться Ему. А Богъ, даже съ простой точки зрѣнiя естественнаго, открылъ намъ свою волю, по отношенiю къ этому предмету, въ способъ безспорномъ.

Въ самомъ дѣлѣ, религiя слагается изъ двоякихъ отношенiй: одни изъ нихъ выражаютъ снисхожденiе Бога къ намъ, а другiя опредѣляютъ возношенiе наше къ Богу. Первыя, очевидно, должны быть основанiями послѣднихъ. Но эти перваго рода отношенiя, въ самой природѣ, облечены въ формы чувственныя. Только въ творенiи и въ дѣлахъ своихъ является намъ Богъ: Онъ устроилъ вселенную какъ бы храмомъ своимъ, въ которомъ невидимыя Его совершенства отражаются *видимо*. Какое же, послѣ этого, мы имѣемъ право, по своимъ прихотямъ, ниспровергать этотъ порядокъ? И отъ закона, коему Онъ, нѣкоторымъ образомъ, Самъ Себя подчинилъ, для того, чтобы говорить съ нами, въ правѣ ли мы освобождать себя, чтобы отвѣчать Ему? Почему бы тѣже творенiя, тѣже самые внѣшнiе знаки, которые Самъ Богъ призналъ не недостойными для откровенiя своихъ высочайшихъ совершенствъ предъ нами, почему бы они были не приличны для благочестиваго выраженiя нашихъ чувствъ по отношенiю къ Нему? Противопоставляемое этой мысли доказательство, будто это значило бы поставлять человека въ опасное положенiе, — впадаетъ въ пагубную ошибку, принять видимый знакъ вмѣсто невидимой дѣйствитель-

ности, внѣшніе обряды богослуженія вмѣсто богослуженія внутренняго, и такимъ образомъ нечувствительно дойти до идолопоклонства,—и самые примѣры, сколько бы ихъ ни было, приводимые въ подкрѣпленіе этого доказательства,—все это падаетъ само собою предъ силою и очевидностію доказательства нашей мысли. Если бы въ умствованіяхъ нашихъ противниковъ выражалась безспорная истина, если бы дѣйствительно изъ-за злоупотребленія извѣстнымъ предметомъ слѣдовало придти къ его отибиѣ и упраздненію; то надлежало бы прежде всего вину въ дѣйствованія вопреки этой истинѣ возложить на самаго Бога, такъ какъ выходило бы, будто Онъ первый поставилъ насъ въ подобную опасность,—надлежало бы начать уничтоженіемъ и даже разрушеніемъ, если возможно, лучшихъ Его твореній, служащихъ главными проводниками въ ду шу нашу неизъяснимаго удивленія и благоговѣнія предъ Его величіемъ. Солнце, луна, звѣзды для многихъ народовъ политенетическихъ составляли предметъ нечестиваго богопоклоненія, что продолжается еще и теперь въ нѣкоторыхъ странахъ земнаго шара. Даже и въ средѣ нашего народонаселенія есть люди, готовые вполне отдаться подобному богопоклоненію. Кто же рѣшится на этомъ основаніи утверждать такую нелѣпость, что за невозможностію избавиться отъ солнца, луны и всего украшенія небеснаго слѣдуетъ завязать себѣ глаза, чтобы не подвергнуться опасному искушенію совершать идолопоклонническое служеніе предъ ними? А это, однакожь, прямое слѣдствіе, вытекающее изъ пуританскаго ученія, осуждающаго и преслѣдующаго всякое внѣшнее богослуженіе по одному опасенію впасть въ суевѣріе. Но

здравый разумъ и трезвое чувство возстаютъ противъ этого ученія и вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ исповѣдуютъ, что *небеса проповѣдуютъ славу Божию и о дѣлахъ рукъ Его возвѣщаетъ твердь*. А благодарность и любовь человѣка къ Богу, не обинуясь, пользуются этими великими дѣлами Его всемогущества, чтобы обращать ихъ въ орудія для своего благоговѣйнаго служенія предъ ихъ Творцемъ.

Этому доказательству придается особенная сила и важность въ Христіанской Религіи тѣмъ, что по ея ученію Самъ Сынъ Божій, во всемъ равный и единосущный Богу Отцу, по неизреченному снисхожденію къ нашей слабости, простирающейся до того, что языкъ творенія сталъ для насъ непонятенъ, благоволилъ облечься въ нашу плоть съ ея чувствами, возвысить, очистить, освятить и обожить ихъ, и Самъ же благоволилъ ввести нашу плоть съ ея чувствами въ участіе въ служеніе Богу, какое Онъ Самъ совершае ть на землѣ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ, и Своимъ примѣромъ научилъ и насъ совершать богослуженіе такимъ же образомъ. Это приводитъ насъ къ послѣднему, болѣе глубокому взгляду на предметъ нашего изслѣдованія.

Религія Христіанская имѣетъ предметомъ своимъ возстановленіе природы человѣческой чрезъ Христа Спасителя. В е, что входитъ существенно въ природу человѣческую, и все, что соприкасается съ ней, должно въ послѣдовательномъ порядкѣ принимать участіе въ этомъ возстановленіи.

Въ твореніяхъ Божіихъ все состоитъ во взаимной связи, отъ Херувима до растенія, даже до безчувственнаго камня. Дивною цѣпью, звѣно за

звѣномъ, проходящею по всеѣмъ степенямъ творенія, все они соединяются въ одно стройное цѣлое съ искусствомъ, полнымъ глубокой премудрости и могущества. Въ частности, человекъ составляетъ особое звѣно, связующее невидимый міръ духовъ съ видимымъ міромъ существъ тѣлесныхъ: по своей природѣ онъ стоитъ на грани обоихъ этихъ міровъ, одною стороною ея, низшею, касается міра видимаго, а другою, вышею—невидимаго: неизмѣнно и неслитно оставаясь въ двойственной своей природѣ, онъ сближаетъ и связуетъ въ себѣ тотъ и другой міръ. Въ сокращенномъ видѣ совмѣщая въ себѣ естество земное и небесное, онъ не можетъ уже отречься ни отъ того, ни отъ другаго, не можетъ поставить себя въ другое мѣсто, или положеніе, ни унижаться, ни облагороживаться, не производя соотвѣтствующаго тому вліянія на среду, которой служитъ средоточіемъ.—Въ золотой вѣкъ его первоначальной судьбы, воспоминаніе о которомъ сохранялось въ преданіяхъ всеѣхъ народовъ земнаго шара, вся подвластная ему природа безпрекословно повиновалась волѣ его, какъ своего царя, и ей предназначено было возвышаться въ лицѣ его до тѣхъ славныхъ преимуществъ, кои свойственны чистымъ духамъ. Но, расторгнувъ союзъ съ Богомъ беспорядочнымъ порывомъ своей свободной воли, человекъ тѣмъ же порывомъ увлекъ свою духовную сторону въ область плоти; и слѣдствіе его непаденія ощутительно отразилось во всей природѣ. Послѣ этого природа уже стала для него не болѣе, какъ непокорною имятежною рабою, а онъ довершаетъ ея униженіе и безобразіе, дѣлая ее соучастницею своего собтвеннаго развращенія.

Возстановителемъ этого великаго разрушительнаго превращенія явился Господь Иисусъ Христосъ; тоже Упостасное Слово, Которымъ созданъ первоначальный порядокъ міра, снизошло съ неба на землю, чтобы возстановить падшее и подвергнувшееся разрушенію. Для этой цѣли Сынъ Божій воспріялъ въ единство своей Божеской личности природу нашу, т. е. и душу нашу и наше тѣло, всецѣло со всеми ихъ свойствами кромѣ грѣха, и слѣдственно Онъ воспріялъ всю природу, изъ которой естество человѣческое образуется и рождается, и которою оно живетъ. Такимъ образомъ Спаситель нашъ *произникъ изъ земли и еще болѣе отъ неба*. По этому Онъ уже усвоилъ Себѣ все принадлежности и претерпѣлъ все житейскія потребности чувственной природы нашей, какія терпимъ и мы вслѣдствіе собственныхъ грѣховъ нашихъ, отъ которыхъ Онъ приходилъ искупить насъ. Но этимъ усвоеніемъ и перенесеніемъ всехъ нуждъ и страданій грѣшной природы нашей, какъ искупительною жертвою за грѣхъ, Онъ возстановилъ всю природу, освятилъ и въ своемъ лицѣ вмѣстѣ съ нами возвелъ ее опять въ тотъ чинъ и порядокъ, изъ котораго она низвергнута нашимъ грѣхомъ; въ Его славномъ преображеніи и Божественномъ вознесеніи на небо не одна наша природа человѣческая, но и все земныя стихіи физической природы, входяція въ составъ природы нашей, начали уже въ Его лицѣ пріобщаться той высокой славы, къ которой Онъ продолжилъ для нея путь, и которой нѣкогда достигнемъ и мы. Такимъ образомъ Иисусъ Христосъ въ своемъ лицѣ возстановилъ человѣчество во всехъ его отношеніяхъ, и чрезъ эти отношенія возстановилъ все

существа видимыя и невидимыя, что и составляет всеобщую цѣль искупленія. Со всею ясностію и точностію говоритъ объ этомъ св. Апост. Павелъ: «Сынъ Божій, Господь Іисусъ Христосъ есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари. Ибо Имъ Создано *все*, что на небесахъ и что на землѣ, *видимое и невидимое.....*, и *все* Имъ стоитъ. Ибо благоугодно было Отцу, чтобы въ Немъ обитала вся полнота, и чтобы посредствомъ Его примирить съ Собою *все*, умиротворивъ чрезъ Него, кровію креста Его, и *земное и небесное*» (*).

По силѣ этого высокаго и всеобъемлющаго ученія, и богопочтеніе, какое мы обязаны воздавать Богу, составляя не что иное, какъ слѣдствіе и приложеніе того святаго почитанія, какое прежде всего воздавалъ Отцу своему Господь Іисусъ Христосъ, состоитъ въ тѣсной связи съ Божественнымъ планомъ возстановленія человѣка и окружающей его природы. Мы обязаны по отношенію къ этому богослуженію всеобщаго возстановленія и примиренія вводить въ участіе не только всѣ силы и способности нашего духа, но и силы нашего тѣла, даже силы и способности другихъ существъ природы, зависящихъ отъ человѣка, дабы этимъ служеніемъ, ведущимъ насъ къ воссоединенію съ Богомъ, увлекать и приводить съ собою все, насъ окружающее, къ тому же воссоединенію, подобно тому, какъ все это было отвлечено отъ Бога нашимъ грѣхопадениемъ.

Безъ сомнѣнія, эти три вида участія въ богослуженіи имѣютъ не одинаковую важность: служеніе духовное, *поклоненіе Богу въ духъ и истинъ,*

(*) Кол. 1, 15—20.

должно занимать первое мѣсто, стоять во главѣ всего; но и служеніе чувственное, богосклоненіе внѣшнее не можетъ не соединяться съ внутреннимъ и не сопровождать его, такъ какъ оно само по себѣ есть выраженіе молитвенныхъ движеній и порывовъ духа, внѣшними движеніями и положеніями свидѣтельствующаго о своемъ внутреннемъ состояніи,—духа, который не можетъ обойтись даже безъ того, чтобы въ свою очередь не выражать и не отпечатлѣвать своихъ молитвенныхъ состояній и потребностей въ различныхъ предметахъ природы физической, его окружающихъ, и которыми онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Эти три вида богопочтенія такъ тѣсно связаны между собою, что взаимно другъ друга вызываютъ: кто любитъ Бога, того не удержишь, чтобы онъ не говорилъ о томъ, не выражалъ своихъ благоговѣйныхъ чувствъ въ какихъ либо движеніяхъ и положеніяхъ, и не только не говорилъ и не выражалъ, но и не пользовался бы всеѣмъ окружающимъ его, что можетъ высказывать и выражать эти чувства; мало того, онъ жаждетъ одушевляющихъ его чувствъ и готовъ истощаться въ нихъ, очищать ихъ самоотреченіемъ отъ всего, чѣмъ только можетъ пользоваться для своего благочестія, возгрѣвать и оживлять ихъ повтореніемъ тѣхъ движеній и положеній, которыя приводятъ къ нимъ.

Въ поразительномъ примѣрѣ представляется эта истина въ Евангеліи. Посмотрите на Марію Магдалину. Божественная любовь проникла въ ея сердце: что же тотчасъ послѣ сего происходитъ съ нею? Ограничивается ли она выраженіемъ своей любви *въ духъ и истинъ*, останавливается ли

на томъ, чтобы любить мысленно, внутренно? Совершенно нѣтъ. Она бѣжитъ, ищетъ своего Спасителя, и какъ только увидѣла Его, со слезами умиленія повергается къ ногамъ Его, протершись, обнимаетъ ихъ, обливаетъ слезами, покрываетъ ихъ лобзаніями и отираетъ своими волосами; она покланяется Ему не только всею душою, но всею существомъ своимъ; и этого мало,—сосудъ наполненный благовоннаго мѹра, предметъ драгоценный, но посторонній не только для ея души, но и для тѣла ея, она употребляетъ какъ бы для дополненія въ выраженіи своихъ чувствъ сердечныхъ и дѣйстви тѣлесныхъ, сокрушаетъ этотъ сосудъ, какъ сокрушено ея сердце, изливаетъ это мѹро, какъ льются ея слезы, и этимъ благоговѣйнымъ возливаніемъ какъ бы умоляетъ Бога о помилованіи ея за то преступное употребленіе, къ какому предназначено было это благовоніе, которое она теперь желала бы изъ нечистаго и свитотатственнаго претворить въ чистое и святое, какъ чиста и свята любовь, его проливающая. Пусть фарисейская гордость соблазняется этимъ преизбыткомъ выраженія и пусть считаетъ его принадлежностію идолопоклонства, но Господь Іисусъ Христосъ вполне одобряетъ его и даже обращаетъ его въ поводъ сдѣлать упрекъ хозяину дома за его холодную бережливость и умѣренность. «Видишь ли ты жену сію, говоритъ Онъ ему?—Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ, а она слезами облила Мнѣ ноги, и волосами головы своей отерла. Ты лобзанія Мнѣ не далъ; а она, съ тѣхъ поръ какъ Я пришелъ, не перестаетъ лобызать у Меня ноги. Ты головы мнѣ масломъ не помазалъ; а она мѹромъ помазала Мнѣ ноги. А потому ска-

зываютъ тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много». (*)

Такимъ образомъ искренность и сила богослуженія внутренняго сами собою вызываютъ и оправдываютъ богослуженіе внѣшнее по силѣ самой связи духа нашего съ тѣломъ, а чрезъ тѣло привлекаютъ къ участию въ томъ же богослуженіи и другія существа видимаго міра, насъ окружающаго. Религія Христіанская, какъ религія возстановленія, имѣетъ цѣлью возстановить все подвергшіяся грѣху и его слѣдствіямъ существа, возводя ихъ къ ихъ Творцу чрезъ Искупителя міра, и потому вся природа, сколько это возможно для нея, одушевляемая духомъ своего царя, должна вмѣстѣ съ нимъ принимать извѣстное положеніе при богослуженіи, становится соучастницею въ его возстановленіи, свойственнымъ ей образомъ служить и содѣйствовать ему въ этомъ великомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ она была и бываетъ жертвою и соучастницею его паденія и грѣховной жизни.

На этихъ-то основаніяхъ, глубокихъ и широкихъ, имѣющихъ очевидное соотвѣтствіе съ природою человѣка и міра, основывается истинное Христіанское богослуженіе Церкви вселенской.

2. Отъ этихъ общихъ началъ перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ приложеніямъ ихъ.

Если возводить богослуженіе православной Церкви къ наиболее существенному выраженію его, то нѣтъ ничего проще, какъ оно, и что лучшимъ образомъ соотвѣтствовало бы возможной скудости случайныхъ обстоятельствъ: нѣсколько хлѣба, нѣсколько вина, и нѣсколько молитвъ, произносимыхъ

(*) Лук. 7, 44—47.

устами священнослужителя,—вотъ все жертвоприношеніе Божественной литургіи, составляющей сущность и душу Христіанскаго богослуженія, которое во всемъ своемъ составѣ самымъ строгимъ образомъ возводится къ этому жертвоприношенію.

Но въ видимой простотѣ и скудости этого священнодѣйствія заключается по существу дѣла болѣе, чѣмъ сколько можетъ содержать сокровищъ весь міръ видимый; потому что приносимое здѣсь въ жертву Богу, на самомъ дѣлѣ равно самому Богу,—это Господь Иисусъ Христосъ, подъ видами хлѣба и вина, истинно и существенно присутствующій своимъ истиннымъ тѣломъ и своею истинною кровію, нераздѣльно и неотлучно соединенными съ Его душою и Божествомъ, Имъ самимъ приносимыми въ жертву высочайшему правосудію Бога Отца Его, приносимыми въ томъ самомъ состояніи жертвы, въ которомъ Онъ принесъ Себя въ искупительную жертву, единожды умирая на крестѣ. Это таже самая крестная жертва Иисуса Христа, возобновляемая не заколеніемъ, но приношеніемъ страшнаго заколенія Его крестнаго, которое въ приложеніи своего освятительнаго дѣйствія здѣсь повторяется послѣдовательно и неизмѣнно во все времена и на всехъ мѣстахъ, гдѣ только совершается по установленію Божественному. (*)

По простотѣ этого существеннаго священно-

(а) „Христосъ есть, вкусите и видите; Господь бо насъ ради по намъ древле бывшій единою Себе принесъ, яко приношеніе Отцу своему, присно закалается, освѣщаяй причащающіяся (Послѣд. къ святому причащенію; канонъ, пѣснь 9, 1.)

дѣйствія Христіанское богослуженіе нелегко можетъ быть пресѣчено. Совершенію его не препятствуетъ никакое мѣсто и время: въ самыя тяжкія времена, равно какъ и въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, оно безотложно совершалось. Темница, чердакъ, пещера, дремучій лѣсъ,—все можетъ сдѣлаться алтаремъ и храмомъ для богослуженія Того, Кто въ земной жизни своей не имѣлъ даже камня, на которомъ бы могъ для упокоенія преклонить главу свою; но Кто однимъ присутствіемъ своимъ освящаетъ все. Такая, до крайней бѣдности и обнаженности доходящая простота Христіанскаго богослуженія, если бываетъ не плодомъ небрежности и равнодушія, а слѣдствіемъ преслѣдованій, лишеній, изгнаній за вѣру, дѣлаетъ его еще болѣе величественно-прекраснымъ; потому что въ подобныхъ обстоятельствахъ богослуженія выражается и воспроиздѣтся то божественное самопожертвованіе Христа Спасителя, которое составляетъ основаніе сего богослуженія и славу Христіанства, и которымъ, можно сказать, самое богослуженіе украшается по мѣрѣ того, сколько лишается виѣшняго благолѣпія. И Церковь, дѣйствительно, даже во времена благоденствія своего, среди самыхъ свѣтлыхъ торжествъ, на алтаряхъ своихъ предпочтительно предъ всѣми украшеніями, постоянно употребляетъ то, что напоминаетъ ей ся катакомбы и святыхъ мучениковъ, это—свѣтильники и гробницы.

Но тоже самое богослуженіе, столь простое само въ себѣ, въ развитіи своей виѣшней обстановки, допускаетъ самое величественное изящество и благолѣпіе, какое только можетъ изобрѣтать религиозно настроенное воображеніе и благочестивый

вкусъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что оно питаетъ изящныя искусства одними крупницами отъ своей трапезы, и то, что въ немъ составляетъ второстепенныя и подчиненныя принадлежности, служитъ источникомъ, при томъ самымъ богатымъ, изъ котораго почерпали и будутъ почерпать самыя лучшіе и возвышеннѣйшіе идеалы для своихъ твореній—геніи архитектуры, ваянія, живописи, музыки и пѣнія, поэзіи и краснорѣчія. Впрочемъ Христіанская Религія допускаетъ эти богатые украшенія свободно и независимо отъ ихъ значенія и не отъ недостатка въ нихъ не терпитъ ни малѣйшаго стѣсненія въ отправленіи своего духовнаго богослуженія. Какъ великая царица, въ сокровищницу которой все это вносится естественно, она только позволяетъ украшать внѣшнія принадлежности богослуженія, не столько для него самаго, сколько для того, чтобы придать лучшее значеніе предметамъ, идущимъ на эти украшенія, вполнѣ сознавая, что излишнимъ великолѣпіемъ внѣшнимъ закрывались бы его собственныя небесныя достоинства, которыми должны освѣщаться и внѣшнія украшенія. Словомъ, она только не отвергаетъ усердія и ревности о благолѣпії богослуженія, а не требуетъ того. Это та дочь Царя славы, которой вся слава исходитъ изъ внутри, сквозь различныя украшенія, которыми ее облачаютъ (*).

У нея есть что-то особенное, что дѣйствительно занимаетъ ее прежде всего и больше всего: это ея Божественный Женихъ, Господь Иисусъ Христосъ, этотъ Агнецъ Божій, эта святѣйшая жертва Божественной любви, жертва, которая одна

удовлетворяла ее и въ катакомбахъ, и отъ которой не можетъ отворотить ея благоговѣйнаго вниманія никакое внѣшнее великолѣпіе.—Дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христовыхъ въ приносимой на алтаряхъ жертвѣ составляетъ основаніе и сущность Христіанскаго богослуженія: оно сообщаетъ священную важность и подлинное значеніе всему великолѣпію церковному, и отнимаетъ у него все, что могло бы казаться излишнимъ, неприличнымъ. Оно-то вызываетъ разнообразныя принадлежности церковнаго благолѣпія, опредѣляетъ ихъ качества; назначаетъ имъ мѣру и степень и всегда уравниваетъ ихъ своею безпредѣльною важностію, или лучше, оно все ихъ уничтожало бы совершенно своимъ Божественнымъ величіемъ, если бы не сообщало имъ нѣкотораго сіянія того же величія.

Послѣ этихъ объясненій, сами собою падаютъ безразсудныя упреки въ идолопоклонствѣ, выставляемые еретиками противъ Церкви Христовой. Священные образа, картины, пѣношѣнія и великаго рода украшенія, наполняющія наши храмы, и самые храмы суть не что иное, какъ пути къ святому алтарю, этой скиніи новаго завета, гдѣ таинственно присутствуетъ своимъ тѣломъ и кровію и своимъ Божествомъ Господь Іисусъ Христосъ. Онъ-то и есть предметъ и цѣль всехъ моленій и поклоненій. Онъ одинъ Собою все наполняетъ и надъ всемъ возвышается въ Христіанскомъ богослуженіи; все прочее не болѣе, какъ средство и путь къ Нему. Изящныя произведенія искусства составляютъ здѣсь только свиту и спутниковъ Религіи, но не самую Религію. Божественная жертва тѣла и крови Христовыхъ одна составляетъ пред-

метъ Христіанскаго богослуженія, она одна наполняетъ собою святыя храмы, она же и освящаетъ ихъ, такъ что съ отнятіемъ этой жертвы, въ то же время, снимается всякое обязательство къ благоговѣйному вниманію по отношенію къ храму, который послѣ этого остался бы не болѣе, какъ хранилищемъ священныхъ предметовъ (музеемъ). Только становясь на точку зрѣнія своего невѣрія въ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христовыхъ, протестанство осуждаетъ Церковь Христову въ идолопоклоненіи. Между тѣмъ само оно, изъ опасенія подвергнуться подобному строгому осужденію, не запрещаетъ же всякаго вида внѣшняго богослуженія. Но хотя бы оно, впрочемъ, и за эту цѣну старалось пріобрѣсти что нибудь; хотя оно для поддержанія своего и покушается призвать на помощь себѣ изящныя искусства, которыя осудило-было на изгнаніе изъ храмовъ своихъ, искусства эти сами по себѣ никогда однакожь не въ состояніи удовлетворить тѣмъ потребностямъ, для которыхъ думаютъ воспользоваться ими, потому что въ самой сущности протестантскаго богослуженія нѣтъ ничего, что согрѣвало бы искусства и служило бы для нихъ основаніемъ. Рѣшившись постановить *образъ* тамъ, гдѣ есть и должна быть *дѣйствительность*, протестанство само себя лишило возможности имѣть и самый образъ, или лучше, само себя осудило представлять въ своемъ богослуженіи образъ, не имѣющій никакого отношенія къ дѣйствительности,—чистый призракъ, на которомъ никогда ничто не можетъ устоять.

Итакъ, дѣйствительное присутствіе Господа Иисуса Христа съ истиннымъ тѣломъ своимъ и истинною кровію своею на алтаряхъ Церкви своей

составляетъ сущность ея богослуженія, служить началомъ, движущимъ и оживляющимъ все его принадлежности. Сообщеніе *благодати Христовой* чрезъ другія таинства облакаетъ богослуженіе еще иными священнодѣйствіями, самыми разнообразными, производящими самое трогательное и поразительное впечатлѣніе на душу, въ нихъ и чрезъ нихъ проникаетъ духомъ жизни, освѣжающей и животворящей; подобно тому какъ вода, сокровенно текущая изъ источника, оплодотворяетъ берега и даетъ знать о своемъ присутствіи живостію и богатствомъ являющейся на нихъ растительности. Что сказано о сущности и духѣ таинствъ вообще и о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ частности, все то можетъ уже вести къ разумнѣю, какое благолѣпіе и поразительное величіе можетъ быть допускаемо при ихъ совершеніи. Въ разныхъ возрастахъ и многообразныхъ положеніяхъ жизни человѣческой, въ младенчествѣ и юности, зрѣломъ возрастѣ и старости, въ жизни и смерти, при самыхъ живыхъ и сильныхъ чувствахъ нашей природы съ ея надеждами, сожалѣніями и раскаяніемъ, съ ея радостями, печалями и слезами, ея несчастіями и утѣхами, во всехъ этихъ и подобныхъ состояніяхъ человѣкъ можетъ у этихъ священныхъ источниковъ снимать съ души нравственныя пятна, успокаивать совѣсть, или облегчать горести жизни, находить утѣшеніе и поддержку въ несчастіи, или вѣрное руководство въ счастіи и животворнымъ влїеніемъ духа ихъ оживляться и утверждаться въ жизни. Подробное изъясненіе этихъ дѣйствій богослуженія увлекли бы насъ слишкомъ далеко; надобно противостоятъ этому увлеченію.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвитинъ.

Съ дозволенія цензуры. 27 Сентября 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.